

«Набара» — о этом словом мы нередко связываем продолговатую и немоем лагномысленном, пустом и даме на совсем причинном зрелище.

И нельзя не признать, что основания для таких представлений имеются.

Ум слишком деградировал этот жанр камерного, астрального и театрального искусства на подмостках многих буржуазных городов.

Между тем при рождении своем он был демократичен и остроумен, можно даже сказать, что вызвало его и жизни этихйной неприятия буржуазного образа жизни, буржуазного искусства с его полнейшей эстетичной заносных форм и представлений.

Но случайно у истоков «набаретного» жанра и за рубежом, и у нас в России стояли многие замечательные деятели искусства, прославившие своими работами в больших и высочайших жанрах. Об этом, об интересном явлении русской культурной жизни начала века, рассказывает предлагаемое вниманию читателей статья.

устроителей. В московской «Летучей мыши» актеры разыгрывали смешные сценки и даже миниатюрные пародийные спектакли, исполняли — часто акс-примом — стихи, комичные или лирические эссеики, танцы. На одном из собраний в петербургской «Бродячей собаке» декламировал свои футуристические стихи начинающий Владимир Маяковский; центром «Вечера пятниц», состоявшегося здесь же, были поэты И. Северянин, Д. Бурлюк, В. Каменский, которые на фоне меняющихся декораций читали свои новые произведения. «Цель вечера», — писал осведомленный рецензент, — продемонстрировать опыт раскраснения слова». Здесь же устраивались собрания о современных направлениях искусства, доклады, споры, жаркие и справедливые споры; вначале дискуссии утихали: начинали танцевать только что приехавшие после спектакля в Мариинском театре Тамара Карсавина. Под музыку Куперена знаменитая балерина танцевала не на сцене, а прямо среди публики на маленьком, окруженном гирляндами ярких цветов пространстве. Шумные игры о литературе возникали вновь...

Сближая различные кабаре одно: их создавали художники, литераторы, музыканты, актеры — люди, посещающие себя искусство. Устроители различных по своим задачам друг от друга на десятилетия и километры кабаре воплощали общие идеи: в деловом, бездуховном мире буржуазной цивилизации они стремились создать свой особый мир искусства, где бы они могли укрыться от убогой меркантильности, пошлого пролазна современности. Кабаре казалось его созданием спасительным оазисом, где на какое-то время между искусством и жизнью лежала протирочка, где сам быт был признан искусством, искусство вновь сливалось с жизнью. Кабаре было порождением на буржуазной почве романтических антибуржуазных настроений, своеобразным воплощением характерной для художников рубежа веков эстетической утопии, в основе которой лежала идея о том, что такое искусство есть мир, куда нет доступа уродствам буржуазной действительности.

«Уход» художников в сотворенный ими мир осуществлялся часто весьма банально. Кабаре, как правило, устраивались в подвалах. Узкая, готической формы дверь, десять ступенек, ведущих вниз в подвалы (здесь притягивалась «Летучая мышь»), отделяли пристанище актеров от остального мира. Подверженные охи и плачу, полноте. Ночная жизнь, полное отсутствие дневных и вечерних часов у жителей «входа» имела еще и свой потаенный, витный только посвященным смысл. Тяжелая ночь, противостоящая рассудочному, умно-пролическому дню, изданья сыла союзницей художников.

Кружась с летучей мышью среди ночных огней, Узор мы летучий зызмьм — на фоне тусклым дням...

— полусерьезно-полуромантично, плелось в покое «Летучей мыши». В покровителе своем своим бледным один художник зыли «черного кота», другие — «черную озу», третьи — «летучую мышь» (они были изображены на зывасках кабаре рядом с иными названиями), ночные существа с репутацией весьма сомнительной, как известно людям здравомыслящим. «Здравомыслие» в кабаре не было. Мейерхольдские «Лукоморье» носило еще одно название — «Тихий омут». А в тихом омуте... Кабаре, куда скопилось литературное искусство, все стремилось выглядеть не так, как в обычной жизни. Здесь все подчеркивало особенность, исключительность мира, созданного для себя творцами. Убранством своего пристанища занимались самые лучшие современные художники.

Помещение «Летучей мыши» своими руками расписал Н. Салундов. Фантастические типы и акцентические цветы переплелись в прихотливый орнамент, покрывавший стены кабаре от пола до потолка. Интерьер «Бродячей собаки» по своему был продуктом С. Судейкина. Некрасивые тяжелые столы, крепко сложенные табуреты (стиль «примитив»), подвешенная на тяжелых цепях к низкому потолку медная люстра со свечами придавали кабаре сходство с мастерской художника.

Общую остроту атмосферы придавала разного рода скрытая и явная полемика с протекшей за стенами кабаре жизнью. Самовольной роскоши мешанского бокаста здесь противопоставлялись скромные и простые художественные уборы; социальное неравенство буржуазного мира — демократизм худож-

венного содружества, артистического братства. Здесь актер за выходящие роли был не менее почитаем, чем «всенародная знаменитость», а репортер вечерней газеты — накороте с великим поэтом. Всех уравнивало служение искусству. Называя свое кабаре «Привал комедиантов», его организаторы заявляли о своем родстве с художниками всех времен и народов: в Мадриде времен Лопе де Вега «Привалом комедиантов» именовался квартал, где обитала артистическая братия.

Дух кабаре Художественного театра определяли люди, понимавшие друг друга с полуслова, талантливые, значительные, объединенные служением подлинному искусству. Здесь возникал особый мир, полный скрытой поэзии — поэзия жизни не скрывавшего душевного общения. Оттого, может быть, и несведущих их была особенно искренней и пленительной. «Ничь... мы просидели в «Летучей мыши», — писала Кинппер-Чехова Лялиной, — были только свои, чествовали Владимира Ивановича». Из старой гвардии были — Луцкий, Москвин, Александров, Буржуалов и я — только... Все отгорелось, разошлись, говорили теплые слова, вспоминали Константин Сергеевич; Владимир Иванович всех оглаждал своим афоризмом, со всеми посидел, поговорил, похвалил, был мил, каким давно не видели его, дирижировал оркестром, даже прошлась легонько...

Вок артистических кабаре был краток. Но следы его не исчезли. О первых артистических и литературно-художественных кабаре остались память не только потому, что они были местом отдыха и творческих поисков актеров и артистеров,

ПРИВАЛ КОМЕДИАНТОВ

Неподалеку от того места, где сейчас находится бассейн «Москва», стоит причудливый дом, похожий не то на средневековый замок, не то на русский терем. Это известный в прошлом лека в Москве Перцов дом. Он был знаменит не только своей удивительной архитектурой, но только тем, что в его мансардах жила группа художников и актеров, но более всего тем, что здесь актеры Московского Художественного театра 29 февраля 1896 года открыли первый русский артистический кабаре «Летучая мышь». Сюда, в свое кабаре, они съезжались после спектаклей, чтобы отдохнуть, повеселиться в тесном кругу близких друзей.

Для России театр кабаре был новой и необычной. У публики она сразу вызвала жадный интерес. Любопытство усиливала известность происходящего в «Летучей мыши». Посторонних в нее не допускали, даже вездесущая пресса туда не смогла проникнуть. Слухи о заманчивее другого драматическом воображении и будоражили «исю Москву».

Рассказывали, что «моховских слез Юпитера», сын Станиславский, так плещет с Москвиным в доказательство несерьезные фокусы, говорили, что величественная Кинппер-Чехова как плавает жеманом, деловую писанокетку, в Невзрович-Давыдов, выходя до этого на дерзливый дирижерский балочек, управляет маленьким импровизированным оркестром, под который танцуют веселую польку либо бурнопламенную мажурку Алиса Коленс с Кача-зовым.

Проникший в конце концов на интимные собрания «Летучей мыши» рецензент назвал свою заметку «Шутки богов».

Новый жанр худолства оставался монополией актеров Художественного театра. Открытие «Летучей мыши» казалось, было давно обдуманным случаем. С лихорадочной быстротой, словно стремясь наверстать упущенное, кабаре начинало возникать по всей России. В Петербурге Всеволод Мейерхольд вместе с художниками А. Венуа и Н. Добужинским, актерами Александринского театра Ю. Юрьевым, К. Варламовым и другими устраивает кабаре «Лукоморье»; в тот же день, в том же помещении, спустя лишь три часа, по-казывает свою первую программу кабаре «Кривое зеркало». Вслед за «Лукоморьем» последовательно открываются кабаре Киев и Владивосток, Ростов и Харьков...

«Кабаре друг стью знаменитым временем», — несколько удивленно констатировал обозреватель тогдашней театральной жизни. Однако знаменитым временем кабаре стало не вдруг. Вурливая воля русских кабаре была частью и продолжением общепервойского кабарежного движения. Но пренебрежением отойти не означала подражания. Единых правил, обязательных для различных кабаре, не существовало. Стиль и атмосфера каждого кабаре определялись вкусами и склонностями их

музыкантов и художников. Значение жанра в искусстве. В атмосфере кабаре происходили поиски путей нового искусства. Они рождались в борьбе с омертвевшими художественными формами. Не случайно в кабаре расцветают всевозможные пародии. Так на сцена петербургского «Кривого зеркала» родились гримасы на всю Россию «Вампука», неслета африканская» опера, образная во всем лаборатория. «Все условности одирижированной романтической оперы — от декораций, костюмов, вышнейшей меры певцов до либретто», — писал современник, — предстали в пародии в дирижированном на смех и поругание миллионным зрителем. «Вампука» оказалась могучим шагом старой оперы и дала сильный импульс поиску новых оперных решений.

Если во Франции кабареетное творчество питало новую поэтическую школу, то в России и Германии оно стало одним из важнейших источников поэтического творчества и проверкой приемов и методов нового театра. Вот почему искусство кабаре привлекает таких режиссеров, как Мейерхольд, Вахтангов, Рейнгард, позже — Врехт и Пикатор.

Но, может быть, еще больше кабаре да-ло толчок, разве неизвестному жанру искусство. Профессионализировались, многие кабаре переплелись в своеобразные небольшие театры, в Европе — во всевозможные варьете, хотя и по старой памяти и продолжали называться кабаре, в России — в театры миниатюр. Сода устремился актеры, обладающие оригинальным дарованием, которое не подходило к современной драме, в балету, ли опере, ли даже оперетте, но в своем род таланта-лизме и искусству по-своему необходимым. Они по-своему умели отразить те едва уловимые, текучие, изменчивые черты времени, мимо которых часто проходил стоя-бовая дорога «Большого искусства».

Оригинальность здесь становилась мерилом одаренности. Оттого атмосфера в этих театрах оказалась чрезвычайно специфической. Острый гротескный помер-снения, протаканье лирический, веселые сентиментальны — эстетскую диффузию. Часто все это перемешивалось в одном выступлении одного и того же артиста. Безыскусные выступления актеров (безыскус-ность их только казалась, за ней мастерство) были обращены прямо к публике, а часто и равнозначились прямо среди публики, каждый зритель мог стать партнером певца, моделью для художника-моменталиста.

Истинность, демократизм и несекса-вольность атмосферы первых артистических кабаре были сохранены и выжились в новые формы и направления искусства, которые и сегодня продолжают питать театр и литературу, музыку и искусство.

Л. ТИХВИНСКАЯ.

В. И. Кемарович-Даченко.